

Буква “Ю” как “последняя вспышка русского национального сознания” или Что хотел сказать Веничка.

“Принеси запястья, ожерелья,
Шелк и бархат, жемчуг и алмазы
Я хочу одеться королевой,
Потому что мой король вернулся!”
В. Ер. “Москва - Петушки”

В первый раз я прочитал “Москва-Петушки” в 1988 году. Трудно описать те чувства, которые посетили меня после прочтения поэмы. Полный восторг? Наверное. А какие еще чувства могли возникнуть у восемнадцатилетнего человека в период всенародного употребления портвейна? Потом были еще прочтения - и каждый раз разные ощущения. То ощущение полного понимания всего написанного, то ощущение абсолютной бесполезности жизни, то ощущение какой-то неправдоподобной эрудированности автора, то ощущение его невероятного таланта смешить. Но всегда было принятие некоей мистики происходящего в поэме, казалось, что *именно так все и должно быть*.

Так случилось, что мне пришлось родиться на родине Венички, в Хибинах. Тот дом, где семья Ерофеевых жила до войны не сохранился¹, но я прекрасно знаю место, где он стоял. И я вполне могу предположить, что у человека, который провел свое детство в такой глуши появилось неискоренимое желание жить по-другому. Более того, мне кажется, что Хибины - это особая среда, в которой вырастают особые люди, поэтому я возьму на себя наглость иначе, нежели принято, взглянуть на личность Венички и на его “Великую Поэму”.

Вообще-то существует два основных мнения о поэме.

Первое: “Москва-Петушки” - это великое произведение. Польский профессор Стравинский в предисловии к лондонскому изданию “Петушков” (на польском языке) сказал: “Книга свидетельствует о том, что это - последняя вспышка русского национального сознания перед тем, как окончательно погаснуть”. Справедливости ради надо сказать, что Ерофеев отнюдь не гордился таким мнением. Или, например, радиоголос Тель-Авива говорил такую вещь сразу после того, как поэма попала на запад: “Кто бы ни скрывался под этим вычурным псевдонимом “Венедикт Ерофеев”, ясно одно: писатель - еврей”. Что еще сказать? Да после этого - ничего.

Второе мнение: “Москва-Петушки” - безобразная апология алкоголя, глупость, недостойная не то что прочтения, но даже и упоминания. Я думаю, что к столь радикальному неприятию можно отнести и то мнение, что “М.-П.” - это “Лишенная

¹ А говорят, что там не бомбили. Бомбили, и еще как. Одно из самых ярких воспоминаний моего детства - находка в диких притундровых лесах возле Апатитов сбитого английского самолета.

“политического нерва” исповедь российского алкоголика”.² Там же мы можем прочесть про “Редкостно высокий уровень авторской, художественной искренности и правдивости”. Все это, очевидно, совсем не так.

В чем же дело? Что дает повод безусловно уважаемому Михаилу Эпштейну рассуждать о мифологичности самого персонажа Венички, о странной силе притяжения его “бессмертной” поэмы? Эпштейн сравнивает Ерофеева с Василием Блаженным³, считает, что главное в поэме - отсутствие какой бы то ни было энергии, антиэнтропия, неприемлемость подвига в любом его проявлении. Владимир Муравьев выводит целую теорию “противоиронии” в своем шутовском предисловии к самостоятельному изданию “М.-П.” Ну ладно - Эпштейн, у него профессия такая, но Муравьев, ближайший друг Вени - зачем он пытается найти в поэме то, чего там, по-моему разумению, нет?

Давайте построим свою теорию.

Веня Ерофеев - младший ребенок в бедной семье работника железной дороги. Надо понимать, что такое была станция Апатиты (или станция Имандра, или станция Хибины) в конце тридцатых, чтобы представить себе всю возможную бедность этой семьи. Там и сейчас-то от грусти помереть можно, не то что шестьдесят лет назад. Отца посадили, мать работать в силу разных причин не могла и жила на деньги, которые выделялись детям. Не в силах так обременять детей, она оставляет их и уезжает. И в этих условиях Веня решает поступать в МГУ. Странно? Да, странно. С самого детства он отличался невероятной памятью, граничащей с феноменом. Сестра его Нина Фролова рассказывала, что он знал наизусть отрывной календарь, что висел на стене у них в доме - все 365 дней. Еще до школы знал. Его родные развлекали гостей: “Веня, а когда будет восход солнца 16 марта?”, “Веня, а что написано на обратной стороне листика за 28 августа?” Процент ошибок в его ответах был равен нулю. Никто в семье не знал, когда Веня научился читать. Просто он стал читать и все. И с самого детства в нем проснулась почти неограниченная страсть к независимости. Он, например, не хотел в школе приниматься в октябрюта. Вы можете себе представить, что отказываетесь приниматься в октябрюта? А он отказался. Когда учительница удивленно спросила его, почему он не хочет, когда все хотят - он сказал, что не желает быть как все. Так и не был ни октябренком, ни пионером, ни комсомольцем. Это в сороковые-то годы и при сидящем отце! Может, в связи с уникальной памятью, может, еще почему в нем открылась страсть к чисто энциклопедическому

² Сергей Чупринин, предисловие к первому русскому изданию “Петушков” в журнале “Трезвость и Культура” - №12 за 1988 год.

³ М. Эпштейн, “После карнавала или Вечный Веничка”, журнал “Золотой Век”, №4 за 1993 год.

накоплению знаний. Ольга Седакова⁴ рассказывала, что он вел дневник грибника - где, когда и сколько грибов он собрал. Он знал день появления первых медуниц и первых желтых листьев, даты прилетов и отлетов птиц. Друзья, зная его такую страсть в шутку подарили ему школьный дневник наблюдений за природой - и Веня старательно его заполнял каждый день, отмечал температуры и состояния солнца, время восхода и заката. А как вы отнесетесь к его знанию нормальных температур диких и домашних животных?

Чего он хочет? Достичь? Не думаю. Просто ему интересно. Представьте себе: шестидесятые, свобода, Вознесенские с Евтушенками - все так просто, только о руку протяни и бери. При его-то уме и знаниях! Но он не стал брать. Почему? Алкоголизм? Или просто понимал, что никому его эта эрудиция не нужна? А нужны Евтушенки с Вознесенскими. Да и что это за сюжет - едет пьяница в электричке? Но ведь написал же он "Петушки"! И поэма стала мифической, стала своеобразным эпосом эпохи, да и сам Веничка - для многих персонаж более мифический, нежели реальный.

Конечно, не вышло бы поэмы, а тем более и мифа, если бы не Веничкин алкоголизм. Правда, тогда это трудно было назвать алкоголизмом - спирт либо слабо действовал на его могучий организм, либо не действовал вообще. Но пить хотелось. Сейчас принято писать, что Ерофеева исключили из университета за непосещение воинских занятий, но Муравьев, свидетелем которого, очевидно, стоит доверять более других, ясно сказал, что выгнали-то его за полное разгильдяйство и нежелание чего бы то ни было "сдавать". Веня был, как говорится "вундеркинд", первую сессию сдал просто на одном дыхании, а на второй его то ли скука обуюла, то ли еще что - преподаватели из последних сил выкручивались, чтобы оставить его в университете, но он не хотел. Он хотел пить и принимать поклонения многочисленных девушек, которые всегда его окружали - а как было не окружать лучшего студента, умницу, а кроме того высокого, стройного, сильного и красивого мужчину? Способность Ерофеева пить и не пьянеть была действительно удивительна - сколько раз он устраивал дуэли с самыми знаменитыми выпивохами, до которых доходили слухи о его питейном таланте, причем все эти выпивохи в конце концов валялись под столами, а Веня, чистый, как стекло, снисходительно принимал восторги окружавших его дев. В него влюблялись все поголовно, несмотря на то, что он был неспособен говорить какие бы то ни было нежные слова.

Наверно, когда-то тогда и родилась эта компания - Сорокин⁵, Любчикова⁶, Седакова, Авдиев⁷. Ну и, конечно, Тихонов⁸ - "ученик" Вени в восприятии жизни. Даже,

⁴ "Пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессою..." - глава "Черное - Кулавна". Полоумная поэтесса - это и есть Ольга Седакова, предмет пылкой любви Вениного друга Бориса Сорокина.

⁵ Борис, дорогие мои, Борис Сорокин, не Владимир, как вы могли бы неосторожно подумать. "Один только премьер Боря С. при слове "пророки" вздрогнул..." - глава "Воиново - Усад".

наверное, не тогда, а во время учебы Вени во Владимире, в педагогическом. Но все равно, время это было приблизительно одно и то же, плюс минус два-три года. Сколько Вене

⁶ “...пришли Вадя с Лидой,...” - глава “Черное - Купавна”. Лидия Любчикова в то время была женой Вадима Тихонова

⁷ Самим Игорем Авдиевым (“Авдюшкой”) утверждается, что он - это министр обороны из поэмы. “Через два часа он испустил дух на руках у министра обороны” - глава “Воиново - Усад”. Я не нашел в тексте никаких ассоциаций именно с Игорем Авдиевым, но зато собственными глазами видел Венин автограф в журнале “Трезвость и Культура” с первой публикацией поэмы в России. Журнал принадлежал Авдиеву, а в автографе говорилось, что он (Авдиев) - действительно министр обороны из главы “Воиново - Усад”.

Авдиев был, по всей видимости, первым, кто ознакомился с поэмой когда она еще не была завершена. Он стащил ее у Вени из-под подушки во время их (совместно с Тихоновым и Сорокиным) визита в Орехово-Зуево (?), где Ерофеев бригадирствовал на прокладке кабеля. (Помните: “...эта старая шпала, Алексей Блиндяев, член КПСС с 1936 года...” , глава “Новогиреево - Реутово”? Реальный, между прочим, персонаж.) Веня, обнаружив пропажу страшно перепугался - он всегда все терял - вещи, паспорт, и решил, что потерял рукопись (зеленого цвета была тетрадка). Настолько перепугался, что примчался из Орехово-Зуева в Москву, к Тихонову, где и был успокоен.

Интересно объясняется в воспоминаниях Авдиева повод, по которому был совершен этот исторический визит к Вене. Тот пропал из поля зрения друзей на две недели, хотя и появлялся обычно раз в неделю на Пятницкой у Тихонова. “Владимир Ильич Ленин на Пятницкую к Розалии Самойловне Землячке приезжал хоть раз в неделю, а Веня к Тихонову две недели не приезжал”, - с обидой сказал Авдиев, и они поехали.

Еще один интересный момент. Веня в своей автобиографии написал, что поэма написана в период с 19 января по 6 марта 1970 года. В конце же поэмы написано: “На кабельных работах Шереметьево - Лобня. Осень 69 года.” Место (Орехово-Зуево) сходится, а вот время... В своих воспоминаниях о том, как он стащил у Вени тетрадку (журнал “Театр”, номер 9 за 1991 год) Игорь Авдиев упоминает, что они пили “вспоминая день гибели сельской библиотечарши Елизаветы Ивановны Чайкиной”. Немцы убили некрасивую Лизу Чайкину 22 ноября, следовательно более правильной является дата в конце поэмы - осень 1969 года. Это важный момент! Он показывает не забывчивость Вени (вспомните, что я говорил о его памяти), а его неумную страсть к мистификациям - во всем, в любой казалось бы мелочи.

Я прошу прощения у читателя за столь пространную сноску, но это - лишний камень в фундамент понимания истоков поэмы, личности автора, понимания этой необычной для своего времени компании и их образа жизни.

⁸ “Вадиму Тихонову, моему первенцу, посвящает автор эти трагические листы” - эпитафия к поэме. Тихонов является одним из основных действующих лиц поэмы - вспомните революцию в Петушинском районе. “Первенец” так и остался единственным. Тихонов вообще был неординарной личностью, чего стоит хотя бы его гипертрофированная наглость, за которую терпеть его не могла сестра Вени Нина Фролова, да и не только она.

было тогда? 23 года? 25? Это предмет более серьезного, нежели наше, исследования. Быть может даже диссертации.

Что это была за компания? Да на самом деле, теперь таких компаний сколько угодно. Среди них модным было своеобразное шутовство, насмешливое отношение не только ко всему восточно-европейскому социалистическому быту, но и к самим себе, что безусловно делает им честь. Компания держалась на двух китах - культуроэкспериментировании и алкоголе. Пили они много, даже очень много, но особенно выделялись в этом умении Веня и его жена Валентина З.⁹ Со временем то один, то другой член этой компании откалывался, бросал алкогольные упражнения и начинал спокойную взрослую жизнь. Теперь это называется "остепениться". Делал такие попытки и сам Веня, но об этом - потом, поскольку здесь кроется, на мой взгляд, самый главный ключ к пониманию поэмы.

Они безумствовали. "Москва - Петушки" вся соткана из их безумств. Но это не были модные нынче перформансы и акции, это были камерные, личные выступления, за пределы компании не вылезавшие. Они давали оперу: Борис Сорокин пел Ильича, Авдиев пел Горького, Дзержинского, Сталина и партию съезда коммунистической партии(!). Они играли в "фанечку", или в "капланчики" - все делились на плохих и хороших. Плохими были: Брежнев, Гомулка, Вера Засулич, Максимилиан Робеспьер, бодливая коза тещи, сама теща, контролер, Жан-Поль Сартр, Ильич. Хорошая всегда была одна: маленькая девочка из бедной еврейской семьи Фаня Каплан. Судя по тому, что здесь фигурируют члены Вениной семьи я имею смелость предположить, что все эти безумства исходили из него. Ерофеевские поступки того времени вообще часто не поддаются объяснению. Седакова рассказывала¹⁰, что однажды зимой он остался у них ночевать. Веня лег последним, а ночью все проснулись от страшного холода. Разрешилось просто - Веня не потрудился закрыть дверь на балкон. Когда Седакова спросила его, почему он это сделал, Веня сказал, что он думал - у них так принято, проветривать помещение ночью. Что это - издевательство или невиданная скромность? Вряд ли издевательство, поскольку сам Веня лежал прямо около этой самой раскрытой балконной двери. Скромность? Но сколько раз

⁹Как я уже говорил, Веня был до болезни очень красив (рост - метр восемьдесят восемь, густые русые волосы, огромные голубые глаза) и недостатка в поклонницах не знал. Но студентка Владимирского педагогического Валя была то ли более настойчива, то ли просто пленила Веню своей красотой (а она была действительно красива), а может, своим неженским умением пить? После окончания учебы она уехала работать к себе домой, в деревню Мышлино Петушинского района. Веня поехал с ней. Знаете, что это за место - Мышлино? Ведь именно туда едет Веничка в своей поэме! Не в Петушки, к сомнительной девице (ну что эта блядь с бельмами красавцу Веничке?), а в Мышлино, где в черной избе с тещей и тощей козой тещи ждал его пухлый младенец - сын. Его и Вали сын, хотя Валя к поэме никакого отношения не имеет.

¹⁰ "Театр", номер 9 за 1991 год.

Веня приходил в гости, брал у хозяев последние деньги и отправлялся за вином. Несчастные хозяева напрасно дожидались гонца - он пропивал все деньги один. Он одновременно читал запоем огромное количество книг - а с другой мог прервать какую-нибудь захватывающую дискуссию и сказать: "Это все ерунда, а вот у меня есть идея..." Идея была всегда одна - пойти в магазин.

В то же время сложившийся алкоголик шел к своей, ни на что не похожей манере письма. Во многом его взгляд на мир (а в том, что манера письма, литературный язык напрямую проистекают из мироощущения, я твердо уверен) сформировал Владимир Муравьев, с которым они вместе полтора года проучились в МГУ.¹¹

Мне не хочется здесь обсуждать очевидные достоинства Вениной манеры писать, его языка. Язык этот, вне всякого сомнения прекрасен. Просто пример:

*Я снова опьяненный маем,
На опьяняющем фрегате
впиваю майскую гуманность
с полупрезрительной гримасой.
Вдыхаю сладость океана,
симпатизируя Пикассо,
и нарочито нелояльно
внимаю треску делегатов.
"Моле - апофеоз жеманства", -
- Жюль Мок убийственно итожит
- Его агрессия жантильна,
как дуновение нарцисса.
А Кристиан в пандан премьеру
пленен кокетством чернокожих,
компрометируя Тореза
лишь компонентом компромисса.
О, катастрофа Будапешта
была изящным менюэтом,
она, как декольте Сильваны*

¹¹ Кстати, именно Муравьеву Веня принес законченную поэму. Он дал ему тетрадку и небрежно буркнул что-то вроде: "Я вот тут написал кой-чего, хочешь - посмотри, я пока покурю". Муравьев посмотрел и отказался отдать тетрадку назад, "пока ЭТО не будет перепечатано". Той же ночью текст поэмы был перепечатан (с большим количеством ошибок, о чем Муравьев впоследствии часто сожалел) и вскоре стал всемирно знаменит. Рукопись, та самая зеленая тетрадка и поныне хранится у Муравьева - Веня отдавал ему свои записи на хранение, потому что сам боялся их потерять.

*сорвала русские муары.
Для нас служила оппонентом
декоративность пируэта,
для них - трагедия Суэца -
- Своеобразным писсуаром.
Я, очарованно загрезив,
постиг рентабельность агрессий
и, разуверившись в комфорте
республиканского фрегата,
неподражаемо эффектно
сымпровизировал позессив,
пленив пикантностью Жюль Мока
и деликатных депутатов.*

Это пародия на Северянина, описание международной ситуации лета 1957 года - тройственная агрессия, война за Суэцкий пролив, республиканцы во Франции, венгерские события. И на такие скучные, казалось бы, темы - такое красивое стихотворение!

Веня знал, как привлечь внимание. Искусством мистификации он владел в совершенстве. Посмотрите: “Так что же, Веничка? Она.....? Ну что вам ответить? Ну, конечно, она.....! Еще бы она не.....!” Или вот: “А она сказала: “Ну как, Веничка, хорошо у меня.....? А я, раздавленный желанием, ждал греха, задыхаясь. Я сказал ей: “Ровно тридцать лет живу я на свете... но еще ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо.....!”¹² Глупые французские издатели долго просили сказать им, что же должно быть на месте этих точек, будучи глубоко уверенными, что это - след цензурных преследований. Не было там ничего! Как и не было ничего в эпохальной главе “Серп и Молот - Карачарово”. Все Венино “Уведомление автора” - чистой воды мистификация.¹³ Даже то, что он никогда не видел Кремля (коль уж принято проводить прямую параллель между Венедиктом Ерофеевым и Веничкой) - ложь. Он очень любил водить своего сына на Красную Площадь, показывать ему Лобное место.

А не мистификация ли его католическое крещение и православное отпевание? Хотя здесь я рискую задеть деликатные вещи.

¹² Первая цитата - глава “Кучино - Железнодорожная”, вторая - глава “Железнодорожная - Черное”.

¹³ Одной из самых волнующих мистификаций является упоминание в Ерофеевской автобиографии о созданном 1972 году труде “Дмитрий Шостакович”. Легенда гласит, что Веня с Тихоновым повесили авоську с рукописью в телефонной будке, сами зашли за угол распить, а когда вернулись - рукопись исчезла. Многие с тех пор предпринимали попытки разыскать произведение, не допуская даже и мысли о том, что его никогда не существовало. А ведь это именно так.

Он прекрасно разбирался в музыке, знал и любил Шуберта, Брукнера, Сибелиуса. Кроме того, что через всю поэму проходят самые разные музыкальные произведения (еще больше их роль, по-моему, в “Вальпургиевой ночи”), эта внутренняя музыкальность чувствуется и в словах.

Я все это говорю для того, чтобы было понятно: Венино владение словом - вещь достаточно закономерная для его ума, эрудиции и самой обстановки его жизни. Почему многие непьющие люди на дух не принимают поэму? Да потому что они не знают, что такое - напиться до потери сознания. Они думают, что это - как солнечный удар, человек падает и не двигается. Так нет же, уважаемые приверженцы трезвости, самое страшное состоит в том, что человек, находящийся в таком состоянии продолжает активно действовать. Он ходит, разговаривает, что-то делает - но потом ничего не помнит. Сознание куда-то сдвигается, начинает работать в другой плоскости - это ужасное ощущение. И Веня удивительно точно воспроизводит это состояние начиная с главы “Воиново - Усад”. Именно так - с главы “Орехово-Зуево” и до главы “Воиново - Усад” - он еще Веничка, весь этот блестящий сон про революцию - его сознание. А потом, со второй части главы “Воиново - Усад” и до самого Кремля - это уже не он, кто угодно - “от горшка два вершка”, “милая странница”, “товарищ старший лейтенант” - но только не Веничка. В то же время он верит в то, что он - это Веничка, и что уже подъезжает к Петушкам. Нет, не пейте так много - в жизни вряд ли могут быть более тяжелые ощущения, чем ощущение того, что ты некоторое время прожил с другим сознанием. Наверное, это состояние близко к тому, что испытывает человек, когда он умирает.

Все сказанное выше - к вопросу о том, почему же “Москва - Петушки” столь привлекательна в изобразительном плане. Ибо сказано - пиши либо о том, что ты знаешь лучше других, либо о том, чего не знает никто. Венедикт Ерофеев знал, о чем он писал.

А теперь о том, что же такое, на мой взгляд, поэма и почему я никак не могу согласиться с теми, кто считает ее Библией шестидесятых и “последней вспышкой русского национального сознания”.

Во Владимире случился у него роман с секретарем комсомольской организации по имени Юлия. Юлия была прогрессивная девушка - ездила на мотоцикле, занималась стрельбой и жутко ревновала Ерофеева ко всем его многочисленным поклонникам. Существует легенда, что она даже хотела его застрелить. Так вот, в определенный момент Веня ушел от Валентины и вернулся к Юлии, которая жила в Москве и имела собственную квартиру. Это понятный, в общем-то, шаг. Рассеянный и непрактичный Веничка просто нуждался в ком-то, кто бы за ним следил, кто был бы ему чем-то вроде матери. Валентина такой женщиной не была, она мало чем отличалась от самого Вени. А вот Юлия стала для него именно таким человеком. Кроме того, по всей видимости он любил ее той любовью, что бывает только один раз. При встречах с друзьями Веня с гордостью рассказывал, что у

него теперь есть даже холодильник. Юлия воспитывала его по “методу Макаренко” - давала деньги и посылала в магазин. Ну как он мог их истратить на выпивку? Но “не вынесла душа поэта”. Юлия занималась биологией, и Веня нашел у нее сосуд с чем-то по запаху сильно напоминавшим спирт. Так случилось, что это оказался вовсе не тот спирт, Веня страшно отравился и после этого Юлия поставила ультиматум - “или я или пить”. Веня ушел от нее (можно только предполагать, сколь тяжелым был для него этот шаг) и после этого никто уже не смог остановить его пьянства, до самой болезни. Даже новая жена Галина, которая появилась у него году в 76, уже после написания поэмы, и тоже стала ему чем-то вроде матери - не смогла. Зачем я здесь все это рассказал и какое отношение имеет Юлия к “М.-П.”? Самое прямое - буква “Ю”. Буква “Ю” - это именно то, что могло спасти Ерофеева и не спасло. И то, что первой буквой младенца стала именно буква “Ю” ясно, на мой взгляд, показывает, что в это время было наиболее дорого Вене. Сын и любимая женщина - Юлия, такая другая и далекая, которая была потеряна раз и навсегда, у которой увела его более сильная - кориандровая.

“Я не знал, что есть на свете такая боль, и скрючился от муки. Густая красная буква “Ю” распласталась у меня в глазах, задрожала, и с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду”.

Так кончается поэма. И так кончается жизнь Венички, ведь все, что было потом - лишь попытки вернуться к сознанию, яркие, но редкие и ни в какое сравнение не идущие с той вспышкой, подобной последнему кричащему письму к любимой женщине с объяснениями, сбивчивыми и бесполезными. С оправданиями.

Я думаю, что “Москва - Петушки” и были таким письмом.

Март, 1996